

Н

астало время сказать, наконец-то, об истинной причине гибели Николая Рубцова. Не об обстоятельствах его смерти, не о подробностях преступления, в результате которого он погиб, а именно о ее причине.

И потому, что смерть поэта в русской литературе и жизни никогда не сводилась к каким-то внешним, бытовым обстоятельствам, но всегда была народной трагедией и непременно имела духовный смысл, даже если многие люди этого не осознавали.

И потому, что поэт погиб в результате преступления, а преступление всегда носит религиозный характер — еще со времен Книги Бытия Ветхого Завета, что с невероятной мощью подтверждено Ф. Достоевским в «Преступлении и наказании». В этом смысле гибель Рубцова в высшей мере символична и примечательна и никак не может быть сведена к криминальной стороне события.

Тем более, она не может быть сведена к обывательским кривотолкам, что, к сожалению, преобладает до сих пор. У нее религиозный и даже библейский смысл. Бедным обывательским сознанием определить и постигнуть вологодскую трагедию 19 января 1971 года про-

сто невозможно. Если же мы все сводим к криминалистике, значит, мы отказываемся или же просто не в состоянии постичь ее истинный смысл.

О том, что это действительно так, свидетельствует пророческое стихотворение Николая Рубцова «Я умру в крещенские морозы...», написанное, по всей видимости, за год до смерти. Пророчество в двух первых строчках оказалось столь поразительным, что читатели уже не придавали особого значения тому, о чем поэт говорил далее. Далее же он говорил о том, с чем связывает свою смерть, собственно, почему он умрет:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,

и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя.

И хотя поэт говорит: «сам не знаю, что это такое», очевидно, что он изображает библейский Потоп, то есть свою жизнь и свою смерть связывает с мировой жизнью. Поэт изображает ту стихию, с ко-

торой, как в «Медном всаднике» Пушкина, и царям не совладеть — изображает Божий гнев и Божий суд. Есть у Рубцова и прямое указание на Потоп в сходных стихах, написанных ранее:

Седьмые сутки дождь не умолкает.
И некому его остановить.
Все чаще мысль угрюмая мелькает,
Что всю деревню может затопить.
...На кладбище затоплены могилы,
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким но слабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Почему именно *седьмые* сутки не умолкает дождь? Это то *предпотопное* время — семь дней, после которых Господь изливал дождь на землю: «Ибо, чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли» (Бытие, 7;4). Так и произошло: «Чрез семь дней, воды потопа пришли на землю» (Бытие, 7;4). И мы не можем не задаться вопросом, почему ужас потопа не раз предстает перед взором поэта. Как это соотносится с его судьбой и с его временем? Ведь, известно, почему Господь посылал потоп на землю — потому что земля растлилась и наполнилась злодеяниями: «И воззрел Бог на землю, — и вот она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Бытие, 6:12). То есть поэт живет столь чутко, словно находится постоянно пред Судным днем или своей чуткой душой уже улавливает предстоящие катастрофы...

Подобное беспокойство и тревогу за наше будущее испытывали наиболее галантливые поэты. Именно в это время Анатолий Передрев писал строки, звучавшие как заклинание:

Свети, как прежде, надо мною,
Не оставляй меня, луна...
Не станет
 бывшею странною
Моя прекрасная страна!

«Возвращение», 1972

Так через библейский образ Потопа Николай Рубцов выразил пророчество о себе. И вместе с тем — тревогу за незыблемость этого мира и существование родины, тоже оказавшуюся пророческой...

Но, как справедливо писал Вячеслав Белков в воспоминаниях о поэте, «библейские мотивы его поздних стихотворений еще не вполне понятны читателям и критикам»¹. Добавим, что это касается не только поздних стихотворений.

Жизнь истинного поэта, ее продолжительность, как известно, измеряется не количеством прожитых лет, а той высокой миссией, которая ему выпадает. И если в силу каких-то внешних обстоятельств поэт исполняет свое призвание, а жизнь его еще продолжается, ему ничего не остается больше делать на свете, и он, как правило, уходит из жизни. В определенном смысле он даже сам «ищет» способ своего ухода. И тогда отыскиваются внешние обстоятельства, которые «помогают» ему в этом... Александр Блок писал, что и «Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура...» Но обывательское, не художническое представление исходит из количества прожитых поэтом лет. Если он уходит в молодом возрасте, несмотря на исполненную им миссию, оно предполагает, что поэт чего-то не успел, а то и вовсе не состоялся. Но это говорит, скорее, не о художнике, а о людях, которые не смогли и не сумели рассмотреть его дело.

К сожалению, многие, даже люди довольно близкие Николаю Рубцову, его вовремя не рассмотрели. Совершенно справедливо писал Глеб Горбовский, что «многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после смерти». И что удивительно и поразительно — они слышали его лучшие стихи, ставшие поистине шедеврами русской лирики. К приме-

¹ «Воспоминания о Николае Рубцове». КИФ «Вестник», Вологда, 1994.

ру, Сергей Викоулов: «К сожалению, поэт ушел от нас слишком рано и талант его не успел раскрыться полностью». Или Виктор Астафьев: «Но все же лучшие стихи поэта говорят об огромных, нереализованных возможностях». Что касается последнего, то тут дело даже не в Рубцове, а в какой-то настойчивой и последовательной нечужкости писателя, считавшегося большим, к поэзии вообще...

Николай Рубцов погиб страшной смертью. Он принял смерть от сожительницы, собиравшейся стать его женой, Л. Дербиной-Грановской, писавшей стихи и считавшей себя поэтессой. Эту трагедию можно было бы посчитать бытовой пьяной разборкой, если бы «поэтесса» не олицетворяла собой темные силы, чего она не скрывала и выражала свою натуру в стихах, называя себя «ведьмой»:

Когда-нибудь в пылу азарта
Звонюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы...

После скитальческой «неприкаянной» жизни, как Николай Рубцов сам ее определял, все постепенно налаживалось. В 1969 году он окончил Литературный институт. В том же году, наконец-то, получил однокомнатную квартиру в Вологде по улице Александра Яшина. В том же, 1969-м, выходит его книга «Душа хранит». В следующем, 1970 году — книга «Сосен шум». Он составляет книжку «Зеленые цветы», но она выходит уже после его гибели. Казалось бы, существование поэта входило в свои берега — «можно было бы жить более или менее нормально, но уже кончалась сама жизнь»².

С Людмилой Дербиной Николай Рубцов познакомился 2 мая 1963 года в Москве. В 1969 году она переехала в Вологду и поселилась с дочерью в деревне Троица, где устроилась на работу в библиотеку. Какая-то неведомая сила тянула ее к Рубцову. Сама она объясня-

ла это общими литературными интересами, тем, что их сближала поэзия.

И с того времени жизнь его входит в какой-то трагический период, еще более «неприкаянный», чем ранее. Стремительно несет к роковому исходу, что он и сам осознавал, выражая это в стихах. Но, видимо, уже не мог ничего поправить, не находил в себе сил.

Эту резкую перемену в нем замечали многие его близкие. К примеру, Мария Корякина. Но относилась это на особенность его природы: «И, думается, оттого он был такой сложный и противоречивый, что не давал ему спокойно жить его большой талант». То есть, то «жизни тяготень» (Лермонтов), которое хорошо известно каждому большому таланту. Не «недуг бытия», а именно «жизни тяготень», от которого не погибают. Видела, конечно, и его новую «неприкаянность», и его стремительное движение к трагической развязке.

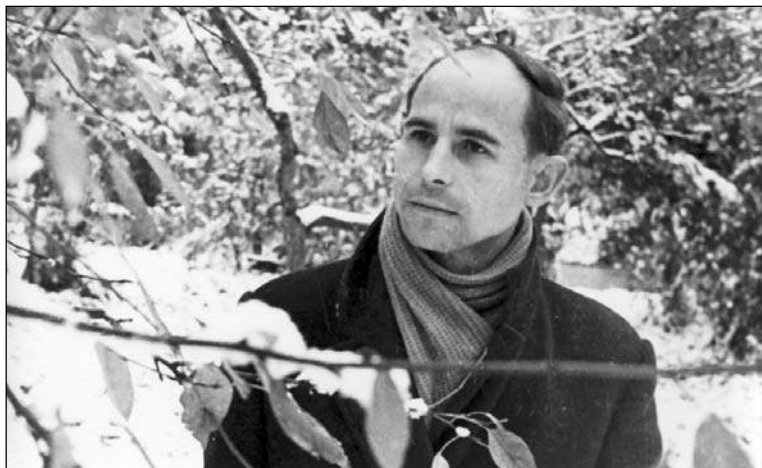
Виктор Коротяев еще до гибели поэта написал стихи, которых потом и сам испугался:

Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шута.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишним лет как из пеленок,
Он, помимо прочего всего,
Лыс, как пятимесячный ребенок,
Прост, как погремушечка его...

Итак, многие из окружавших поэта близких людей ясно видели происшедшее, но мало кто осознавал и понимал, с какой неведомой и темной силой он столкнулся. Обсуждая стихи поэтессы в писательской организации, в том числе и те, в которых она называет себя «ведьмой», другие стихи, в которых ясно проступала ее «звериная натура» и «животные страсти»³, писатели чувствовали в себе какую-то неловкость: «Все понимает, что это — умелые стихи, но смущает безудержность их дьявольской страсти» (Александр Романов). Ведь темная, вполне реальная сила

² Николай Коняев. Николай Рубцов. «Вологодская трагедия». М., Эллис Лак. 1997.

³ С. Каменев. «Драма Николая Рубцова», «Мир севера», № 2, 1998.

Николай Рубцов

была такой трудноопределимой. И она станет вполне различимой только потом, когда ничего уже невозможно будет поправить. Но даже и тогда совсем немногие признают именно ее причиной гибели поэта. Таковой оказалась преобладающая позитивистская ментальность людей даже среди писателей, сформированная если не атеистической средой, то абсолютным равнодушием к вере, то есть, по сути, к самому главному в человеке. Потому и не различили эту силу, о которой сама убийца в воспоминаниях о поэте скажет: «Я поняла: либо он погубит меня, либо я его...» Победила она, эта тьма, и я просто обязан теперь хотя бы в самых общих чертах описать и назвать эту темную силу, ставшую причиной гибели великого русского поэта.

Верование в нечистую силу, в дьявола, в колдовство и ведьмачество не является только суеверием и пережитком прошлого, не является только и исключительно созданием народной творческой фантазии или блужданием человеческого духа и шатанием разума. Это вовсе не следствие непросвещенности народа. Ведь такой подход предполагает, что с успехами просвещения верование народа в нечистую силу себя изживает. Между тем, ничего подобного мы не наблюдаем. Несмотря на прогресс, эти

верования, разумеется, изменяя свои формы, сохраняются. Более того, им подвержены во все времена, не только «темный» народ, но и вполне просвещенные и ученые люди, правящий класс и духовенство. Кажется парадоксальным, но высшие образованные слои общества и духовенство вели борьбу с колдовством и ведьмачеством не для того, чтобы образумить «невежественный» народ, а потому что сами считались с нечистой силой, со злыми духами. Да и понятно, ведь только тот, кто не верит в Бога, не может поверить и в дьявола: «Вера в полную возможность и действительность колдовства росла и крепла. И проникала в самые передовые, высокопросвещенные слои общества. Об этом первым заявил во всеулышание и всеобщее сведение парижский университет»⁴ в 1398 году.

С другой стороны, природу дьявола, колдовства, ведьмачества нельзя определить как «отступничество новых богов в пользу старых» в период принятия христианства. Эти верования живут до сих пор в довольно широких слоях народа и в образованной части общества, о чем свидетельствуют всевозможные

⁴ М.А. Орлов. «История сношений человека с дьяволом». Репринтное переиздание 1904 г. М., издательство «Республика», 1992.

секты и мировоззренческие повертия, «передовые» идеологии, на деле являющиеся вполне тоталитарными.

Борьба с колдовством и ведьмачеством имеет свою давнюю и сложную историю еще до введения инквизиции. Мирская и церковная власти перекладывали друг на друга эту заботу, считая ее делом сатаны. Ведь упомянутое явление — вполне реальное по вызываемым им бедствиям — было таким трудноопределимым: «Да и в самом деле все эти дела о колдовстве были так темны и запутаны, что светским судьям, воспитанным в идее точности и наглядности доказательств и улик, было затруднительно постановлять по ним удовлетворительные решения, они и рады были избавиться от таких дел» (М.А. Орлов, «История сношений человека с дьяволом»).

Поразительно, но таким трудноопределимым и труднообъяснимым это явление видится до сих пор. А потому и отношение к нему остается неизменным. Впрочем, тут сложность всякой духовной жизни и верований, ведь и Бога не видел никто никогда...

Все сказанное не дает никаких оснований понимать колдовство, ведьмачество, чародейство, магию, ересь как «темноту» народа и укладывать ее в парадигму «цивилизации». Совершенно очевидно, что, изменяя формы, это явление присутствовало в человеческой жизни всегда, вне зависимости от успехов «прогресса» и науки — оно коренится в самой духовной природе человека. Перед нами — проявление извечной брани духовной, как противоборство каинитской и авелевой цивилизаций, которое отнюдь не является делом давно минувших дней, а сопровождает человека во все времена. Вспомним строку А. Блока: «...над нами сумрак неминуемый иль ясность Божьего лица».

Брань духовная извечна и неустраима. Только наивное сознание допускает такое невозможное устройство человеческой цивилизации, в котором светлые силы непременно раз и навсегда побеждают темные. Но ведь и Бог не только

не уничтожает Каина, но даже охраняет, отмечая его знамением, то есть печатью.

Вологодская трагедия, завершившаяся гибелью Николая Рубцова, несмотря на явные признаки именно такого ее смысла, с духовной точки зрения, осталась, по сути, неразличимой. Нам могут сказать, и непременно скажут: как можно реальное, конкретного человека называть дьявольским именем, какое право вы на это имеете? Но так скажут люди, для которых тайн на этом свете за исключением кроссвордов не бывает. В том-то и дело, что народная фантазия наделяет злых бесплотных духов многими человеческими свойствами. «Для облегчения своей деятельности во всех ее проявлениях дьявольская сила одарена способностью превращений, т.е. черти могут совершенно произвольно сменить свою pozorительную и страшную бесовскую подкуру, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы более знакомые и привычные для человеческого глаза» (С.В. Максимов. «Нечистая, неведомая и крестная сила»⁵).

Здесь, видимо, сказывается и чисто психологическая особенность постижения вещей земного мира. Над человеком довлеет обыденность, сталкиваясь с необъяснимо высоким или низким, вообще с чем-то непривычным и необычным, он полагает, что это может происходить с другими, но только не с ним. Кажется, об этом — в стихах Александра Блока:

Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за этими стенами
И твой таиться может рок...

Мария Корякина в своих воспоминаниях о поэте описывает чрезвычайно показательную ситуацию: «...В отделении Союза писателей как-то состоялось обсуждение стихов молодых поэтов, и ее

⁵ С.В. Максимов. «Нечистая, неведомая и крестная сила». Санкт-Петербург, ТОО «ПОЛИСЕТ», 1994.

в том числе... Читала она тогда, кажется, три или четыре стихотворения. Одно из них запомнилось мне особенно. О том, как люди преследуют и убивают волков за то лишь, что они и пищу и любовь добывают в борьбе, и что она (стихотворение написано от первого лица) тоже перегрызет горло кому угодно за свою любовь, подобно той волчице, у которой с желтых клыков стекает слюна... Сильное, необычное для женщины стихотворение.

Виктор Петрович толкнул Николая легонько в бок — они сидели рядом — и сказал: «А баба-то талантливая!»

— Ну что Вы, Виктор Петрович! Это не стихи, это патология. Женщина не должна так писать.

И оттого, наверное, что поэтесса читала стихи детским, чистым, таким камерным голосом, это звучало злое, а мне подумалось: такая жестокость, пусть даже в очень талантливых стихах, есть нечто противоестественное».

Тем более поразительно, что Виктор Астафьев уже позже, когда все произошло, писал Владиславу Зайцеву, по сути, защищая убийцу и создавая предпосылки для ее «реабилитации», предложения о которой не замедлили явиться: «Спасибо и за то, что не клеймите убийцу. Она — женщина и подсудна только Богу».

Вера в Бога по половому признаку — тут что-то запредельное, псевдогуманизм куда более ядовитый, нежели идеологизация всего и вся, против чего бунтовал В.П. Астафьев. Притом, что в народном сознании бесплотные силы, олицетворяющие зло, злые духи чаще связываются именно с женщинами — из

истории известно, что женщин, обвиняемых в ведьмачестве, было гораздо больше, чем колдунов... Может быть, это связано уже с вавилонской блудницей, но это — мировоззренческий и этнографический факт. Известному советскому писателю оказалась совершенно неприятной та темная сила, столкновение с которой стоило Николаю Рубцову жизни. Не потому ли он не понял глубоко и его творчества, о чем однозначно свидетельствуют воспоминания Астафьева о Рубцове.

Тайну случившегося не может приоткрыть ни уголовное дело убийцы, ни обывательские пересуды. В ту роковую ночь в квартире поэта вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, которые рассыпались, а одна из них раскололась. Это была икона Николая Чудотворца.

Мы все еще не вполне уяснили значение Николая Рубцова в русской литературе и в народном самосознании. Он — не один из талантливых и выдающихся, каких было много в его эпоху. Но единственный в своем роде, соединивший духовные берега в революционном XX веке, явивший нам «образ прекрасного мира»: «Сама природа русского духа давно нуждалась в появлении именно такого поэта, чтобы связать полувековой трагической разрыв отечественной поэзии вновь с христианским миропониманием. И жребий этот пал на Николая Рубцова» (Александр Романов). А потому мы не имеем права трагедию гибели поэта, эту катастрофу народного духа представлять только в бытовых, правовых, криминальных координатах.

